

ПОЛКОВНИК Ф.И. ЕЛИСЕЕВ.

ЛАВИНЦЫ И ПОСЛЕДНИЕ

ДНИ НА КУБАНИ.

АГОНИЯ КУБАНСКОЙ АРМИИ.

/Апрель 1920 г./

* * *

БРОШЮРА № 9

НЬЮ ИОРК - 1964 г.

* * *

Mr. Th. Elyseev, 502 W. 177 St. Apt. 1 C,
New York 33, N.Y.

Л А Б И Н Ц Ы
И
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА КУБАНИ. 1920г.
/брошюра № 9/

АГОНИЯ КУБАНСКОЙ АРМИИ.

ДРАМАТИЧЕСКИЙ ОТХОД К КРАСНЫМ. . . .

Утром 24-го апреля, три полка 2-й Кубанской казачьей дивизии - 1-й и 2-й Лабинские, Сводно-Кубанский, Запорожский дивизион /две сотни/, 2-я и 5-я Кубанские батареи, выстроились в конном строю на своих биваках. Присоединившийся к дивизии Атаманский конный полк с есаулом Борисом Ногаец, находился в Адлере.

По пути к Лабинской бригаде, я поздоровался с батареями, Запорожцами и Сводно-Кубанцами и шагом шел к Лабинцам, выстроившихся в ущелье, просей кустарником.

Тесно... Лабинской бригаде было тесно в этом ущелье, которая, к этому времени так разрослась в своей численности! В 1-й Лабинский полк полностью влился Лабинский запасный полк полковника Мунова /хромого/ и он насчитывал в своих рядах 1.500 шашек. 2-й Лабинский имел 1.200 шашек.

Родные храбрые Лабинцы... отдавшие на алтарь своего Отечества и родной Кубани-Матери все, что могли... с героическими боями отступая - отошли они сюда в полной своей мощности и послушании, что бы продолжать борьбу с красными до конца. Дошли сюда в леса, в горы, к берегу исторического казачьяго Чернаго моря, к самому его краю, к Грузии, к тупику, к чорту на рога и... о них забыли - и Верховное Русское командование в Крыму и их прямые начальники-генералы - Улагай, Науменко, Бабиев, которые, казалось-бы, никогда не должны были забыть этих "верных и благородных Лабинцев", о которых сказал в станице Казанской сам рыцарский Улагай.

"Вашу кровь и стойкость никогда не забудет Кубань!" - произывал он тогда в Казанской почетный караул от геройского 1-го Лабинского полка в присутствии командира корпуса генерала Науменко. И вот - о нем забыли в самые трагические дни его бытия...

Кубань, в своей Истории, конечно, не забудет этот выдающийся по стойкости в боях полк, но тогдашние люди, его генералы и тот-же самый доблестный генерал Улагай, Командующий Кубанской Армией - забыл его, еще "живого" 1-го Лабинского полка, готового и еще, и на подвиги и на жертвы.

И словно наглядным укором, бороздила глаз эта храбрая Лабинская бригада в 2.700 шашек при десятках пулеметов, выстроившаяся в последний раз с оружием, по узкому лесистому в валунах ущелью, многочисленными ярусами своих сотен, прилепившихся, или сгрудившихся, на чистых безлесых площадках и скатах....

Никто не узнает теперь - что думали тогда казаки-Лабинцы, когда я под

езжал, как никогда, шагом к ним!... Лично я не заслуживал упрека от них, но чувство стыда за старших военачальников, так безцеремонно бросивших всю Кубанскую Армию на капитуляцию перед красными - давили на мое сознание.

Я не ошибусь, говоря, что присутствие на местах в строю всех офицеров, решивших разделить общую участь с казаками и присутствие обоих командиров полков - давало им определенное успокоение, моральное облегчение, удовлетворение и некоторый проблеск на то, что - к своему трагическому концу, мы подходим организованно, в порядке, отчего, все это, казалось - не так страшным.

Мы тогда, начиная от командиров полков и кончая рядовым казаком - были очень наивны, поверив красным....

- . -

Полковой хор трубачей "без басов" - открыл встречный марш. Переведя свою кобылицу в крупную рысь - быстро вошел в гурты всех сотен бригады, раскинувшихся по площадкам. Взмах руки и хор остановился.

"Здравствуйте мои славные Лабинцы!" - громко, сердечно, почти по-станочному огласил я свое приветствие и взял руку под-козырек.

"Здравия желаем, господин полковник!" прогудело 2.700 голосов со всех мест.

"Ну, братцы, в поход... в последний поход!" грустно, надорвано, но громко произношу, что бы все слышали.

"Дай Бог нам сил, пережить все это!" сказал, снял папаху и перекрестился. Казаки молча проделали то-же.

"А теперь, справа по-тои, первая сотня" - скомандовал и, головная сотня войскового старшины Логвинова /Лагунова/ - стала спускаться со своей терраски, направляясь вслед за мною к шоссе.

Гладкое спокойное Черное море тут-же, рядом с нами, в то упоительное теплое южное апрельское утро - ничего же обещало нам... И сколько хватал глаз, и сколько искал он чего-то там, в морской дали - везде стояла лазурь мягких волн и... больше ничего не было видно кругом - ни пароходного дымка на горизонте, ни рыбацкой лодки даже... словно все умерло кругом и до казачьей трагедии никому не было дела... И нахлебучив, от горя и обиды, папахи на-глаза, двинулись полки назад, к Сочи, куда ушло уже много-много других частей оставленной на берегу Кубанской Армии, что бы до дна испытать чашу всех страданий.

Утро 24 апреля 1920-го года, каленым железом начертано в моей груди незабываемую никогда трагедию всего Кубанского Казачества, воспринятую так мною через верную и благородную Лабинскую бригаду казаков.

Хмурые, исхудалые, обтрепанные в обмундировании, на истощенных лошадях, полки длинной лентой вытянулись по зигзагообразному горному шоссе к Сочи.

Полки проходили бывший бивак 4-го Донского конного корпуса. От него, славного и могучаго Мамантовскаго корпуса, бравшаго к тылу у красных Тамбов, Козлов, Елец и др. города - остались очень незначительные остатки. Они предназначены были идти "последними". Донцы, заросшие бородами и чубами, они, словно готовясь идти домой, "на побывку" - трогательно подстригали ножницами "под гребенку" один другого, сидя на своем полупустынном биваке. Меня это немного развеселило. Это так было непохоже на наших казаков, которые брили головы и бороды, оставляя только усы.

Кубанская бригада стояла за перекатом впереди. Она была очень малочисленна. Командир 1-го Кубанского полка, полковник А.И. Кравченко, несколько дней тому назад, с полковым штандартом уплыл в Крым. Полк теперь возглавлял молодой войсковой старшина Несмашный. Сын офицера, окончил Владикавказский кадетский корпус и ускоренные курсы Николаевского кавалерийского училища во время войны - маленького роста, добрый и веселый - он был приятен и, как будто, беззаботен.

В СХОСТА. ГЕНЕРАЛ МОРОЗОВ. ЕГО ШТАБ. ПЕРВАЯ АНКЕТА.

Мы приближались к селению Хоста, где стоял штаб генерала Морозова. Являюсь к нему и к своему удивлению, вижу его лично и его штаб совершенно спокойными, словно ничего и не случилось. Здесь же и наш корпусной командир генерал Хоранов, но не так спокойный, как Морозов. Он старается как можно больше говорить со всеми, а с генералом Морозовым в особенности. Вскользь он бросает свою фразу, что он согласен и в красной армии командовать корпусом, но Морозов на это только молча улыбается. Он просит у генерала удостоверения, что является законным командиром 2-го Кубанского корпуса.

"Зачем Вам это?.. это же все окончено", отвечает Морозов. Но Хоранов шутками, скороговорками настаивает, что - "хотя бы для памяти".

Здесь штаб Морозова роздал нам впервые "анкеты" от красного командования для заполнения в трех экземплярах. Всего было 38 пунктов. Кроме "выворачивания" всего нутра каждого офицера - образование, где служил, кто был отец, семья, где они, адрес их, кем был в революцию 1905 года, в революцию 1917 года, при октябрьском перевороте и пр. 37 пунктов выворачивали всю душу каждого офицера до мельчайших подробностей. В ней предупреждалось, что "утайка" - грозит суровыми наказаниями. И последний 38-й пункт, как самый главный, запрашивал: - "Ваше отношение к советской власти?"

Что на него было ответить? Мы же были их враги! Мы беспомощно спрашивали один другого - что же на него ответить? Генерал Морозов пришел нам на встречу:

"Да пишете - с о ч у в с т в е н н о!" Сказал и улыбнулся и предупредил, что бы мы точно запомнили то, что написали, т.к. подобные анкеты будут предложены и впереди.

Героем в бою можно быть легко, но героем "гражданским" - быть не легко. И все мы написали в этой анкете, "сочувственно". Такова ирония побежденного и.... страха перед победителем.

Спокойствие штаба генерала Морозова мне совершенно не понравилось. И не потому, что в нем почти не было казачьих офицеров, но потому, что многие из них заговорили о Москве, где у них были родственники, даже семьи, и она, Москва, приятно тянула их к себе, как своя родина.

Генерал Морозов нам ничего не сказал, что нас ждет впереди. Красным он не верил и порицал их. Гибель белого движения определял как несостоятельностью главных вождей. Считая, что дальше вести казаков и офицеров на бесплодный убой, и ненужно и, даже, преступно, почему, как наименьшее зло, решено было ликвидировать Кубанскую армию более или менее безболезненно.

И что - "Россия возродится изнутри... Это процесс истории.... И надо всем работать там"/т.е. в красной России/, закончил он.

Все это нас совершенно не успокоило. Рассказал, как они "забыли" выключить телефон, по которому потом, красные предложили мир. В моих понятиях - это не вязалось с действительностью. В команде связи 2-3 офицера, несколько урядников. Как они могли забыть "оставить аппарат", отступая?

А дежурный телефонист у аппарата, и его помощник? Как они могли оставить, бросить противнику свой военный инструмент?

Я слушал рассказ нам, старшим офицерам, исповедь генерала Морозова внимательно и по глазам заметил, что он говорит не то, что было. И по моему, телефонную связь с красными, он оставил умышленно, т.к. "мир с красными", был уже предрешен главными генералами.

Здесь же он поведал нам о разрешении Грузинского Правительства, пропустить на свою территорию всех офицеров и урядников, но так как было уже поздно, это разрешение он не опубликовал.

Получался сплошной сумбур. Как можно было в полках выделить всех офицеров и урядников и с ними идти в Грузию, а рядовых казаков оставить? Как это можно было провести в жизнь? И не взбунтовались бы рядовые казаки на это разделение, на эту привилегию? В политических убеждениях, чины не играют никакого значения. И рядовой казак-земледелец, может быть более ненавидеть красных, чем офицер-горожанин, не связанный с землей. И если бы это разрешение было обьявлено своевременно - могло быть разделение "куда идти" только по личному согласию каждого, не считаясь с чинами. Но все это было уже закрыто для использования. Такова была жуткая действительность - обман своих подчиненных.

У ПОГАСШАГО КОСТРА . . .

Оставив Хоста, полки дивизии остановились на ночлег там, где штаб дивизии располагался после оставления Сочи 17 апреля, в изолированной даче какой-то замкнутой барыни.

Прошла только одна неделя, но как все изменилось! Мне очень грустно... Смертельно грустно. Я вспомнил, как тогда здесь щебетали сестры милосердия штаба дивизии, сидя у костра. Я прошел туда. Пепел еще сохранился от него, ни... никаких угольев следа. Все истлело, погасло, замерло... И этот погасший костер, так явственно говорил о нас теперь, брошенных на произвол, что и мы, видимо, погаснем, истлеем, замрем... Мне не хотелось спать и я не находил себе места.

Истлело

"Душа моя скорбит смертельно", сказал Христос в Гефсиманском саду, в последней своей молитве к Господу, перед п р е д а т е л ь с т в о м...

Великие нечеловеческие слова! Они вышли из самой глубины страдающей души, которая вне разума, говорит о тяжком исходе, ожидающего человека оч. скоро, и может быть... завтра.

Надюша прошла к замкнутой хозяйшке-барыне. Вернулась и говорит: "Строгая и недовольная. И говорит мне, Федя - "как же Ваш брат, полковник и сдался красным? Разве он не знает красных? Удивительно"...

Губка с уксусом была преподнесена как нельзя во время и жестоко...

С Д А Ч А О Р У Ж И Я . . .

Полки ночевали в лесу. На утро 25 -го апреля, я мог видетсья и здороватьсья только с головною сотнею. Через ординарцев приказал следовать полкам самостоятельно к Сочи. Полки идут вооруженными. Голова колонны огибает по шоссе, меж нависших ветвей деревьев, один из выступов к морю и повернув направо, спускается вниз в чаще густых деревьев. Впереди и вправо от себя, вижу груды брошенных винтовок, шашек, кинжалов. Возле них один красноармеец. Он останавливает колонну и деловито, вежливо, говорит мне, что

"Все оружие казаки должны сдавать здесь"...

"Как здесь?" - удивленно спрашиваю его

"А это сдаточный пункт... Вы будете начальником?" Получив удовлетворительный мой ответ, он продолжает:

"Так вот, товарищ начальник, пускай Ваши казаки проходят и сбрасывают свое оружие здесь. Я начальник сдаточного пункта. Казакам разрешается оставить по одной шашке на десять человек, что бы рубить ветки деревьев на корм лошадям... а офицерам разрешается оставить при себе только холодное оружие. Так что, товарищ начальник, сдайте мне ваш леворверт и бинокль!"

Вот оно, "самое главное и позорное", так просто подступило к нам. Сопротивление было бесполезно... и свой офицерский "Ноган", который мы все получили бесплатно при производстве в офицеры, как подарок от Самого ЦАРЯ, с которым провел обе войны - я вынул из кобуры и передал этому красноармейцу в руки. Так просто и... так позорно. Бинокль системы "Цейса" я не отдаю.

"Это есть частная вещь", поясняю ему.

"Нет... это есть военный предмет. Он нужен для армии, товарищ начальник. Красная армия нуждается в биноклях. Пожалуйста, сдайте и его. И Вы не волнуйтесь и не сумлевайтесь в нас. Я сам царский унтер-офицер и службу знаю. У нас теперь порядок. Мы к этому стремимся. Вы запишите его номер и потом можете ходатайствовать... и Вам его вернут", словоохотливо и вежливо говорит мне этот "царский унтер-офицер".

Этот диалог слушают те, кто следовал позади меня и казаки, уж без приказанья, снимают с себя винтовки, шашки и кинжалы и бросают их в общую ту кучу, которая образовалась "от подобного акта" всех прошедших до нас храбрых полков Кубанского Казачьего Войска. Читатель пусть сам поймет душевное состояние казаков в те минуты...

СЛОВНО МИРАЖ В МОРЕ....

Обезоруженные, полки двигаются дальше на север, к Сочи, к берегам своей Кубани.... Шоссе тянется зигзагообразно. Справа от нас - горы и лес, а слева - открытое море. Вдали, на далеком горизонте очень тихого моря, показались темные дымки. Их пять или шесть. Дымки постепенно увеличивались, разбухали и уже ясно были видны крупные корабли, идущие к нам, к берегу, широким фронтом. Все наши взоры были обращены к ним.

"Неужели это наши?... и за нами идущие?" подумал я.

Прошло много томительных минут. Голова колонны шла оч. тихим шагом, будто выжидая что то. И вот мы, уже не вооруженным глазом/большие белые крейсера. По ним, с берега, раздалось несколько орудийных выстрелов. Большой недолет. Крейсера медленно остановились и, не открывая огня, словно белые лебеди, стали плавно курсировать вдали, вне досягаемости орудийного огня красных.

Сердце заклокотало, забилося у меня. Боже, Боже!... и почему они так поздно пришли?!... и зачем они разстравили и без того больную душу?!... И зачем они дотронулись до нея, тлеющей?!

Испытание... горькое и безнадежное испытание у постели уже умирающего....

И на наших глазах, прокурировав может быть полчаса - они безмолвно, тихо, плавно стали уходить за горизонт и томительно скрылись от нас....

За ними вслед, мы послали в Крым свои проклятия.... Как это Крыму, располагавшему всем Черноморским флотом, не выслать своевременно перевозочные средства?!... /видим/

ДРАМАТИЧЕСКИЙ МОМЕНТ ОТОБРАНИЯ ЛОШАДЕЙ. . .

Мы шли немного по-семейному и, как-бы, домой... Мы еще не встречали ни где красную власть воочию. Длинным углом вправо, шоссе вдаль в один изгиб и потом, повернув налево, потянулось к жел. дорожному мосту, что в 4-х верстах к югу от Сочи. Шоссе чуть поднимается к возвышенности. Повернувшись в седле налево, смотрю на длинную конную колону казаков и сердце нежно забилося ласкою и к казакам и к казачьему конному строю, так мною любимому с детства. Я, даже, почувствовал томную приятность в своем существовании. Говорят, приговоренный человек к смерти - крепко спит перед казнью. Неведомая сила дала и мне "перед самым концом своего казачьего существования" испытать приятный момент блаженства по своему милому и дорогому казачеству и к его конному строю.

Моя кобылица вдруг неожиданно остановилась. Быстро повернувшись вперед вдруг увидел... впервые увидел красноармейца в защитном шлеме-шишаке, с крупной, во всю ладонь ширины, красною суконною звездой, нашитую на самый лоб этого шишака.

"Ангел... чорт... сатана... живой дьявол"?!.. Вот он, настоящий, живой - пронеслось в моей голове. И вид человека в этом дьявольском шлеме со звездой, был для меня, поистине, страшным. Откуда он появился - не знаю. Разставив руки в стороны, преградив мне дорогу, он громко скомандовал:

"Слезайте!"... и рукою показал влево. Я глянул "туда" и, в густых кустарниках, увидел еще человек 5-7 таких-же "красных чертей с шишаками".

Думаю - какое то начальство просит меня пожаловать к себе. Спешился и направился к ним. Те на меня смотрят немного насмешливо и один из них, длинный и сухой, в красных узких штанах-галифе и с походными ремнями пожителю, сказал: - "Идите назад".

Несмотря на такую скорополительность "встречи", я увидел позади них, укрытое в кустах, полевое орудие, направленное вдоль шоссе, на приближавших казаков.

Повернувшись назад - я не увидел уже своей кобылицы. Дальше вижу, как спешенные казаки быстро снимают с седел свои бурки и переметные сумы, быстро отходят на обочины шоссе, а их лошадей с седлами, красноармейцы быстро отводят в большой двор, раскинутый влево, у моря.

Возле моего экипажника, Надюша возится с какими то своими вещами, казак-кучера на козлах нет и вместо него сидит уж красноармеец.

Я спешу к Надюше и спрашиваю красноармейца на козлах:

"Что это значит?"

"А это - приказано отобрать у казаков лошадей и седла", отвечает он.

Горе, обида, оскорбление, уничижение и уничтожения не только моего права на власть, на собственные вещи, но уничтожения моей личности - придавили меня.

"У меня вещи и сестренка!... как-же я с ними буду?.. выезд мой собственный!" - говорю я запальчиво красноармейцу.

"А это я не знаю... мне приказано отобрать фаэтончик... обратитесь к начальнику", спокойно отвечает он и указал на тех, где я уже был.

Мимо меня быстро проходят пешие мои казаки, имея бурки под мышками а сумы через плечи и совершенно не обращают внимание "на своего начальника дивизии", которым я был только-что....

Я, как и все офицеры, в полной форме Кубанского казака, при всем холодном оружии, но только без погон. Вид, конечно, офицерский. Быстро поднимаюсь к начальнику и с прискорбием говорю ему "как со мною поступили"...

"Приказано отобрать у казаков всех лошадей и седла. Экипаж и упряжь - тоже подлежат к сдаче", безапелляционно говорит он. После моих приреканий "о собственности вещей" - он разрешает мне доехать в нем до Сочи, откуда кучер-красноармеец должен представить его к нему.

Надюша, растерянная, со слезами на глазах, быстро укладывает свои вещи и книги в кузов экипажника и мы двинулись к Сочи.

Через частокол забора, вижу свою любимую кобылицу "Одгу". Она стоит понуро, хвостом в нашу сторону. И здесь я только заметил, насколько она исхудала. Она была уже без седла.

Прощай!... Прощайте! - и мое седелище черкаское Калаушинской работы и моя милая лошадушка, на которой я совершил так много походов и конных атак, и на Маныче весны 1919 года и потом жестокий "отход" от Воронежа и... до самого Адлера.

Можно-ли все это забыть?... Ооо!... горе - какое горе побежденному!

Кучер-красноармеец, видя наше с Надюшей разстройство, оборачивается и спрашивает:

"Вы, наверное, были большим начальником у казаков? Да, тяжело Вам. Я сочувствую Вам. Но... везде бард-к. Я был вначале у красных... потом у белых... а потом недавно опять перешел к красным, т.к. увидел, что их дело берет. Но... везде бард-к. И у вас, у белых, было нехорошо. Почему - надо терпеть. А сам я астраханский крестьянин. И ничуть не большевик. А просто, смотрю - где лучше" - закончил он словоохотливо.

Спасибо и тому русскому солдату за эти слова. Они немного облегчили мою душу. Но я почувствовал, что над всею моею жизнью в прошлом, Казачьем, опустился тяжелый железный занавес и моя личная жизнь померкла. Думаю, так думали и другие офицеры.

В журнале "Казачьи Думы" №20, от 24 февраля 1924г. выходящий в Софии, Болгария, генерал Науменко написал:

"Многие перед сдачей уничтожали свое оружие. Особая комиссия красных отбирала у офицеров и казаков лучших лошадей и седла".

А генерал Врангель написал так: - "Большая часть Кубанцев сдалась. Незначительная часть ушла в горы".

Как сдалась Кубанская Армия я описал. Никто не уходил в горы, т.к. не за чем было уходить. И никто не уничтожал своего оружия. Лошадей и седла отобрали по пункту условий, которых мы не знали.

Как мы переживали тогда эту трагедию - никто не поймет, не перенеся лично сам.

Тогда-же, в 1924-м году, находясь в Финляндии, мне приятно было прочитать в тех же журналах "Казачьи Думы" отзыв генерала Науменко о Лабинцах. Вот он:

"Но не все имели возможность сесть на корабли. Части, бывшие на фронте, даже не были уведомлены о прибытии судов.

Так погибли доблестные Лабинцы, честно державшие себя в течении всей гражданской войны, Корниловцы и другие отличные части".

Таковой-же отзыв о Лабинцах генерал Науменко повторит через 40 лет в своем журнале, под заглавием "Кубанский Исторический и Литературный Сборник № 16-й, за Май-июнь месяцы 1962 года, издающийся здесь, под Нью-Йорком.

В КРАСНОМ СОЧИ. . . .

"Конец апреля месяца 1920 года. Дивная теплая манящая и растворяющая все к радости южная весна. Все в зелени. Аромат цветов пьянит всех. Так мягко и приятно на солнышке быть. Улицы города Сочи запружены людьми, частью подводами. Сплошь казачьи папахи, черненьки нараспашку, гимнастерки. Тепло и мягко в воздухе, но люди сумрачные, запыленные, небритые лица. У каждого через плечо походные ковриковые сумы, а под мышками бурки. Людская лавина страшная и молчаливая - постепенно прибавляется, движется и движется по улицам города.

Кто они? Почему они здесь? И почему их так много, несколько тысяч? То строевые части капитулированной Кубанской армии, уже разоруженные, и без лошадей, направлены к пристани для разбивки на группы и отправки в ближайший тыл красных, в Туапсе.

Кто бы мог подумать только неделю тому назад, что Казачья армия, насчитывавшая в своих рядах несколько десятков тысяч бойцов, испытанных и закаленных в боях, определенных врагов красных - она так неожиданно сложит свое оружие и целыми строевыми полками и дивизиями, при своих офицерах, пройдет назад перед своим врагом опусив "очи долу", и там именно, где еще недавно была жюзином положения". Так я писал в статье "Трагедия Кубанской Армии" в 1929-м году, в журнале "Вольное Казачество" издававшемся в Чехословакии.

Это было то, что я увидел, под, ехав в своем экипажике к Сочи, потом пешком направляясь к пристани.

Надобно случиться так, что новую красную пиллюлю "горе побежденным" я увидел бы немедленно-же...

У пристани, на возвышающем берегу, вижу две шеренги казаков до одной сотни человек. В гимнастерках, в бешметах, в черненьких нараспашку, все в черных папахах. У их ног сумы, бурки. Из комендантского здания быстро вышел "кто-то" в защитных бриджах, в парусиновой гимнастерке. На фуражке маленькая красная металлическая звездочка. Среднего роста, хорошо сложенный светлый блондин. Подойдя к выстроившимся, он громко произнес:

"Слушать мою команду!"... и за нею - следующее:

"На право - равняйся!"

"Смирно!"...

"На ле-е... ОП!" и по пехотному резко подсчитал - "АТЬ, ДВА!"

"На пра-а... ВО!" и вновь - "АТЬ, ДВА!"

"Отчетливей мне!" - кричит он начальническим тоном.

"Кру-у... ГОМ!" и вновь - "АТЬ, ДВА!"

"Чище мне - белые бля-и!" - уж зло кричит он.

Я остановился в недоумении, и слышу и смотрю всю эту экзекуцию военного строя, а почему она и над кем - не знаю.

"Во-о... ФРОНТ!", командует он и заканчивает: - "а теперь забрать свои вещи!" И когда эти казаки взяли в свои руки то, что лежало у их ног, он снова резко командует:

"Смир-р-но-о!... На ле-во! - ать, два! И в Туапсе.. шаго-ом... МАРШ!" /До Туапсе, по птичьему полету, около 60-ти верст. По зигзагообразному шоссе, больше, Ф.Е./

И когда под уклон спустился хвост колонны - он медленно, крадучись,

направился к группе офицеров человек в 40, сидевших в 20-ти шагах в стороне, влево. Подойдя к ним он говорит:

"Как это Ваш генерал Бабиев, взорвал все железнодорожные водокачки от самого Царицына!... Ведь это все Государственное достояние!" Сказал, посмотрел на эту группу и пошел к себе. Все сидевшие офицеры на его слова - ничего не ответили.

Освободившись от духовного гнета - подхожу к группе этих офицеров, которых уже определил - кто они? То были все штаб-офицеры уже сдавшихся частей. В середине сидел полковник Михаил Иванович Земцев, начальник 4-й Кубанской дивизии. Вокруг него так хорошо знакомые мне, друзья и соратники Корниловцы и Кавказцы.

Вот Корниловцы: - Командующий полком войсковой старшина Владимир Безладнов. Рядом войсковой старшина Трубачев, выпуска 1914 г. из Николаевского кавалерийского училища, казак станицы Родниковской Лабинского Отдела.

Вот войсковые старшины Корниловцы из урядников мирного времени:

- Лебедев Пантелеймон, казак станицы Лабинской, из вахмистров Конвоя Наместника на Кавказе графа Воронцова-Дашкова,

- Друшляков Федор, казак станицы Ильинской, из урядников Конвоя Его Величества,

- Козлов Иван, казак станицы Дмитриевской, из сверх-срочных подхорунжих нашего 1-го Кавказского полка,

- Ростовцев, казак станицы Платнировской/или Пластуновской/из фельдфебелей одной из Кубанских пластунских бригад

- Клерже Александр /родной брат генерала Клерже в Сибири/, недавно назначен штаба 2-го Кубанского конного корпуса, из Кадышевского корпуса.

- есаул Андрей Бех. Остальных не помню.

А вот наши Кавказцы:

- полковник Хоменко Владимир Николаевич, командир 1-го Кавказского полка и его помощники -

- войсковой старшина Храмов Иван, кадровый офицер

- войсковой старшина Елисеев Андрей, наш старший брат, остальных не помню.

Вот сидит храбрый командир Кубанского партизанского полка полковник Польской, из урядников казак станицы Успенский, во всем подражатель генералу Бабиеву. Это все главные и которых я отлично и давно знал.

Подойдя к ним, поздоровался общим поклоном и присел. Кроме полковника Земцева - вид у всех растерянный, видевших ту экзекуцию.

Полковник Земцев, как самый старший здесь, информирует меня, что: всех есаулов и штаб-офицеров выделили красные из общей группы офицеров и приказали ждать здесь распоряжение; всех же хорунжих и сотников, выстроили отдельно и, как Вы видели, произвели ученье, отправили в Туапсе".

/Здесь должен указать, что в Кубанском Войске, чин под, есаула был от мене, Ф.Е./

Сидя в кругу, я рассматриваю лица друзей и сослуживцев, стараясь прочесть в них их душевное состояние. И вижу, они так же все в панике и кланяются тот час, когда согласились "сдаться".

Корниловцы меня предупреждают "не проговориться в обращении". В анкете они написали, что их полк "Кубанский" и просят слово "Корниловский" - забыть, что бы не подвести их. Они уже спорили со своих папах и шаровар, так раньше гордый для нас, корниловский траурный/черный/ галун.

"И еще не прокричит петух трижды, когда ты, Петр, отречешься от Меня" - сказал Апостолу Петру Христос. Вот что значит "страх смерти"....

"А Ваш где-же Партизанский полк?" кто-то с,острил над полковником Польским.

От этих слов,Польской с,ежился весь,убрал свою шею в плечи,словно боясь,что его кто-то вот сейчас стукнет поленом по голове и,в страхе, прошипел:

"Не называйте мой полк так... он "Сводный"..Я с искренним сожалением посмотрел на этого пистольного и храброго офицера и не осудил.Он мой сосед по станице и его полк состоял из его станичников,Темижбекцев и наших Кавказцев,как и офицеры были только из этих станиц. Вот что значит - "страх"....

Нам всем очень грустно.Все больше молчат,изредка перебрасываясь лишь короткими фразами.

"А вот возьмут,да отправят меня в станицу.. да и скажут - а ну-ка,господин полковник,снимайте штаны,да ложитесь.. а мы вам вгоним пятьдесят плетей,как Вы вгоняли нашим когда-то"... шутит кто-то.

"Лучше пусть разстреляют,чем быть выпоротым",гордо заявляет наш Ваня Храмоз,общий друг.

Я все это слушаю молча и ни с кем не делюсь своими тяжелыми мыслями. А высказываний своих мыслей продолжают.

"Ну что,ежели бы нам спалась красная армия?" - говорит кто-то вопросительно и продолжает: - "Наверное мы бы уже разстреляли тут-же главных".

"В особенности генерал Бабиев",вдруг отвечает корниловец-храбрец,войсковой старшина Ростовцев.

Услышав это - я "косо" посмотрел на Ростовцева,храброго командира сотни при мне на Маныче весной 1919года.При мне тогда,Бабиев не был жесток.Вот почему я и посмотрел "косо" на Ростовцева.Возможно,упоенный вшастью,Бабиев и переменялся?думаю.

Успокоительно действуют на всех полковник Земцев и Хоменко.Полковнику Земцеву лет 55.У него уже сын офицер.Окончил Академию генерального штаба и в Великой войне,на Тирецком фронте,командовал 1-м Сунженско-Владикавказским полком Терского Войска.А почему он только в чине полковника - не знаю.

Он типичный офицер старого времени - с усами и подстриженной бородою клинушкой,по-черкесски.В серой походной черкеске.На нем папаха старого покроя - высокая,крупного черного курпея,с высоким острым верхом. При нас таких папах уже не носили.Он мало говорит и если говорит,то с юной,дельно,успокаивающе.

Полковник Хоменко - маленький,сухой,очень логичный в разговоре и внимательно-приятный ко всем.Ему до 40 лет.Его очень любят,ценят и уважают Кавказцы

ПЕРЕД КРАСНЫМИ НАЧАЛЬНИКАМИ . . .

"А Вы,полковник,представились коменданту порта?"спрашивает меня полковник Земцев,как старший среди нас.Отвечаю,что я ничего не знаю,как и не знаю - кто таков комендант порта.

"А, тот - что отправил наших офицеров в Туампсе",отвечает он и просил пройти к нему,по его распоряжению "для всех пребывающих старших начальников".

Поднимаюсь на длинную стеклянную веранду.За нею большая зала.Это,видимо,была гостиница при Набережной улице.Теперь - комендантское. . . .

Здесь много столов, писарей. Все стучат на пишущих машинках. В тыловой стене, за письменным столом, сидит "он" - комендант порта, наш непосредственный начальник.

Подхожу и говорю, не представляюсь, а говорю, как бы, по-частному: - "Позвольте представиться - начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии, полковник Елисеев".

Должен подчеркнуть, что мы все были при пашках и кинжалах. На поясе у меня висела еще и желтая длинная кобура от револьвера. Весь вид был, конечно, офицерский, но только без погон.

Блондин поднял голову и внимательно посмотрел мне прямо в глаза, но безо всякой злости или испытания, изучения.

"Вы прибыли с дивизией, полковник?" спрашивает.

"Да". . . отвечаю, стараюсь говорить без военных терминов. Теперь он разсматривает меня и, даже, улыбается "дружески", но по серым глазам вижу, что если потребуется, то он, под эту дружескую улыбку, может спустить и курок револьвера.

Ему не свыше 35-ти лет. Совершенно светлый блондин. Видимо латыш. Чисто выбрит. Интеллигентный, вежливый, говорит на чистом русском языке. Он, безусловно, офицер и офицер был, видимо, молодецкий. Такие бывали молодецкими молодые штабс-капитаны и капитаны в пехоте.

"Хорошо, . . . распорядитесь, что бы Ваши полки расположились у набережной, а 1-й Лабинский полк отведите дальше к берегу, влево, изолированно. А потом явитесь нашему начальнику дивизии/начдиву, он сказал/, товарищу Егорову. Идите полковник. . . а если что Вам понадобится - обращайтесь ко мне", закончил он.

С того момента, когда меня "спешили" с седла, я уже не знал, что делалось с теми, кто шел позади меня. А следуя в экипажке в Сочи с помершею душой, я обгонял длинную кишку передовых сотен 1-го Лабинского полка, которые, с сумами и бурками, быстрым шагом, так-же спешили в Сочи. Все они самостоком влились в черный массив многотысячной толпы казаков уже находившихся здесь и вышли из подчинения своих начальников, бывших только что. . .

Выйдя от коменданта порта на длинный стеклянной балкон, я увидел свой полк густою колоною толпы сосредотачивающийся далеко внизу у моря, к югу от города. Мы уже не могли распоряжаться своими казаками, да и не хотели. А почему 1-й Лабинский полк был изолирован от общей массы других полков - не знаю.

Иду к красному начдиву Егорову. Его штаб помещался в южной части города, минуя шоссе в Адлер. Говорили, что он капитан генерального штаба, но для меня тогда было - если служишь в красной армии, значить и сам ты "красный".

В своем капитальном труде "Очерки Русской Смуты", генерал Деникин указал, что 75 процентов офицеров генерального штаба остались в красной России, которых власть мобилизовала для организации красной армии. Мобилизовала и всех офицеров, которых до революции в Императорской армии числилось коло 300 тысяч. Мобилизовало и всех унтер-офицеров. Мы этого тогда не знали, поэтому я и шел не к офицеру ген.штаба, а шел к красному командиру, к нашему врагу психологически.

Штаб Егорову помещался в небольшой частной даче. Я там. Срдинарцы-красноармейцы лениво грелись на солнышке. Я спросил их - как и куда пройти в штаб? Они указали, совершенно не обратив на меня никакого внимания. Если бы с них снять звезды на фуражках - это были бы самые настоящие и обыкновенные русские солдаты - простые и "серые".

Как и к коменданту порта - я решил "представиться" не по-воински, чтоб бы не умалить достоинства офицера Белой армии.

Войдя в гостинную - неожиданно вижу полковника Забей-Ворта, последнего Атамана нашего Кавказского Отдела. Он не только что мой станичник, но и сосед домами. Окончив Оренбургское казачье ^оВинкерское училище в 1908 году - хорунжик вышел в свой родной 1-й Кавказский полк, вг. Мерв Закаспийской области. Отличный офицер, адъютант полка. В станице почетный человек.

"Что Вы здесь делаете, Иван Иванович?" спрашиваю.

"Да чорт его знает... вызвали меня сюда и я вот уже полчаса сижу и жду", отвечает он.

В это время вошел в приемную комнату, из противоположных дверей, высокий стройный красивый военный. На нем офицерская гимнастерка, темно-синие бриджи, отличный сапоги благородной кожи. Вид корнета-кавалериста, но только без погон. Он, конечно, и был офицер и может быть гвардеец.

Увидев новое лицо и спросив кто я - он вежливо просил подождать, вернулся через свою дверь, немедленно вновь появился и просил войти меня к "начдиву".

Я вошел и... в небольшом кабинете, сразу же "натолкнулся", сидящего за маленьким письменным столом с зеленым сукном, на очень высокую длинную фигуру человека с бритой головой, усами, бородой. Он был совершенно "белый" даже и брови. Длинные ноги скрестились под столом, словно им там не хватало места. Лицо злое, неприятное. Он быстро метнул на меня глазами и тут-же опустил их, склонился к столу на правый локоть, ладонью прикрыл глаза и стал недвижим.

"Начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии полковник Елисеев", произношу только эти слова и рассматриваю его. Он остался абсолютно недвижим, словно замер, но от меня не скрылось, что чрез пальцы, он рассматривал посетителя. Что таилось в душе "этого мне незнакомца" - не знаю. Может быть он думал, что вот - "мы офицеры одной Императорской армии, но революция, события - заставили нас быть в разных лагерях"...

Я стою и молчу. Молчит и он. И тянувшиеся секунды, казались для меня и долгими и неприятными. Не меняя своей неподвижности, не задав ни одного вопроса, и не взглянув на меня, он тихо произнес: - "Хорошо... идите".

Сделав левой ногой шаг назад, повернувшись по-штатски направо умышленно - я вышел из кабинета начальника 34-й красной пехотной дивизии....

В КРУГУ СОРАТНИКОВ... ДЕЙСТВИЕ КАЗАЧЬЕЙ ПЕСНИ.

Поток казаков вливался в Сочи. Вернувшись к своим старшим офицерам - вижу офицеров Екатеринодарской бригады. Среди них старый друг по Оренбургскому училищу есаул Яков Васюков. Он в. командир 1-го Екатеринодарского полка. Окончил училище младшим портупей-юнкеров в 1912 году и вышел хорунжим в 1-й Линейный полк. Милый добрый человек по натуре. Отличный строевик. Имел густой баритон и училищной церкви читал Евангелие. Во время войны окончил ускоренные курсы Академии генерального штаба в Петрограде. Он казак Усть-Лабинской станицы.

Тихо, незаметно подошел еще "кто-то". В маленькой черной каракулевой папаше чуть на-бок, в кителе, в бриджах, со стеклом в руках. На кителе нашиты четыре Георгиевских ленточки, что означало, - он награжден четырьмя Гергиевскими крестами. Сказали мне, что это полковник Евсюков из выдающихся сверхсрочных подхорунжих 1-го Линейного полка. Он привел в Сочи Линейную бригаду казаков...

Нам голодно. Мы "табором" густо сидим, полулежим на земле прижавшись

друг к другу у самого здания штаба коменданта порта. К вечеру похолодало. От безделья - нам скучно.

"Давайте тихо запоем что-нибудь", говорит Ваня Храмов, войсковой старшина, обращаясь к соседям. У всех душа не для пения. Все молчат. Но он, тихо, по-полковому, затянул:

"Зібралися всі бурлаки"... Печально, тихо, словно боясь кого-то, некоторые офицеры вступили:

"Тут нам любо, тут нам мыло,

"В журбі заспівати.../в журбі, значит - в грусти, в томлении, Ф.Е./

Зачинщик Храмов, подбодренный, уже более громко продолжает:

"Грай бо котрий на сопілках,

"Сумно так сидіти... /сумно - скучно/ и уже большинство подхватили:

"Що дітця тепер в світі... и некоторые поющие кивком головы показали в сторону Крыма... а за этим, уже более громко продолжили затяжно:

"И ч і і - ж м ы д і т ы

Эта бурлацко-казачья песня Украины так остро затрагивала наши души, что в нее вступили и остальные офицеры, числом свыше 50-ти человек.

Брат Андрей, склонный к эспансии по своему доброму характеру, не сдержавшись от переживаемых чувств, уже громко затянул своим баритоном:

"Що дітця тепер в світі?...

"Що буде потому /ударение на второе "о"/. И - словно в успокоение самим себе - все громко подхватили:

"О п р и ч ь Б о г у Е д і н о м у . . . /ударение на "о"/

"Н э з в і с н о н і к о м у /ударение на "о"/

Пропели и... замкнули. Содержание слов этой песни полностью касалось и нас теперь, а не только что былых бурлаков-казаков Украины.

"Господа!.. комендант порта слушает нас", кто-то тихо сказал. Мы сразу же повернули головы и увидели, что не только комендант, так оскорбительно муштровал наших хорунжих и сотников отправляя в Туапсе, слушает нас, но и весь состав красных писарей его штаба, бросив "стучать" на пишущих машинках - смотрят в нашу сторону и слушают нас. Мы переглянулись между собой в недоумении.

"Может быть у них нельзя петь песни?" сказал кто-то. Да мы и сами видим, что попали во враждебное государство, где совсем другие порядки, не наши Казачьи, добросердечные, православные порядки. Комендант, видимо, понял это, т.к. мы все сразу, как-то, притихли, словно, провинившиеся школьники, увидев своего воспитателя тогда, когда меньше всего его здесь ждали.

Вдруг комендант встает, быстро выходит на балкон, останавливается у выхода и говорит:

"Очень хорошо Вы поете, товарищи офицеры.... Спойте еще что-нибудь!..

Мы окрылились. "Какую?" - спрашивает кто-то. "Да закувала та сыза зозуля!" предлагает кто-то.

"Чет!... давайте споем им "Ревут стогнуть горы"... предлагает следующий. Всем это понравилось. И мы, возбужденные и поощренные "самою властью", - запели уже громко о старой казачьей неволе в Турции, которая ожидала теперь нас в своей же Стране-России - их кровных потомков....

"За що-ж Боже Милосердний... нам послал ці муки" - протянули мы печально.

И последний куплет, многие повернув головы в сторону Крыма - громко, вызывающе - пропели:

"Ч о м н ы й д э т э в ы з в о л я т ы -
"Н а с з т я ж к о й н э в о л я ! . . .

Пропели и замолкли. Комендант выслушал стоя, повернулся и пошел к себе. Не знаем - поняли-ли он нас? . . .

- . -

После захода солнца, нам всем штаб-офицерам и есаулам приказано грузиться в баржу, для следования в Туапсе. Открытую баржу прицепили к маленькому паровому баркасу и с полной ночной темнотой - нас отчалили от берега.

Было очень холодно. Все закутались в бурки. Дул сильный ветер. Баржу качало немилосердно.

"Вывезут в море и затопят нас", сказал кто-то и нам стало страшно...

"А может быть на нас наскочат из Крыма и отобьют у красных... видите, идем с потухшими огнями" - отвечает кто-то. И у многих из нас мелькнула радостная мысль - "хоть бы наскочили из Крыма и отбили нас"...

Но не затопили нас красные и не отбили из Крыма. Изнуренные от качки, совершенно голодные, только к утру мы прибыли в Туапсе.

В Т У А П С Е . . .

При нас не было конвоя. На пристани в Туапсе нам приказали идти в комендантское управление.

"Товарищи... Вы должны сдать свои шашки и кинжалы. Мы его перепишем "с приметами", а в Екатеринодаре Вам их вернут", сказал нам какой-то начальник.

Мы переглянулись, слегка запротестовали, как нарушение условий, но нам твердо ответили - "Надо сдать... и сейчас-же". И мы начали сдавать так памятное нам оружие, так дорогое по своему офицерскому положению, к тому же очень ценное по серебряной оправе.

Какой-то "чин", через окно, писал наши чины и фамилии и против них вписывал:

"Шашка серебрянная.... с портупеей. Кинжал ажурной работы... небольшой... горский".

Здесь нам дали вторично анкеты для заполнения - все 38 пунктов и в трех экземплярах. Один из них будет следовать за нами "до конца" наших скитаний по лагерям, до Костромской тюрьмы включительно, как "волчий билет".

Отобрание шашек и кинжалов повлияло на нас отвратительно. Приказано, вернее - предложено, и вежливо, идти к вокзалу и там расположиться в садике.

Как я указал - от Сочи до Туапсе 60 верст по птичьему полету. Здесь уже весь 2-й Кубанский конный корпус, Екатеринодарская и Линейная бригады. Выходит, что эти 60 верст - все они прошли пешком в одну ночь.

Пока что - мы осматриваемся кругом. Вокзальное здание все изрыто пулями. На наше удивление - здесь стоит собственный поезд генерала Шкуро, его классные вагоны. Откуда он здесь - мы не знаем. Лично я разсматриваю на нарядных вагонах их внешней стороны, эмблемы его "волков".

При отступлении от Воронежа, я узнал, что в полках дивизии "волков" не любили за их привелигированное положение при штабе, хотя офицеры и говорили, что "волки" всегда дрались с красными превосходно. И когда надо было - Шкуро бросал их в самое пекло боя.

Но эмблемы... На каждом вагоне их несколько. Это - волчьи открытые пасти, с высунутыми языками, с острыми большими зубами, со злыми глазами, вот-вот вас хватающими загрызть немилосердно. Они не нарисованы, а выточены из чего-то выпукло и прикреплены к стенам вагонов. Впечатление от них жуткое. С этими эмблемами нельзя было идти "освобождать Россию". Они несли не мир, а месть, алчность. Волчьи пасти в красках, что усиливает их звериную ярость.

К югу от вокзала, в начале леса и гор - аккуратно сложены тысячи казачьих седел, одно на другое, ярусами, высотой в двух-этажный дом. Перед ними стоит часовой с винтовкой, а шагах в 25-ти от него - человек пять черкесов, в черкесских на распахну поверх длинных бешметов и с плетями в руках - сидят на корточках и печально смотрят на эти седла. Часовой совершенно не обращает на них никакого внимания. Из этой картины, я понял, что Черкесская конная дивизия прибыла сюда, в Туапсе, в конном строю, здесь у них были отобраны лошади и седла, а их отпустили по-домам, т.к. в лагерях, в Египетинодаре, всадников-черкесов не было, но были лишь молодые офицеры, и немного. Черкесы же, сидящие на корточках, думали и мечтали, видимо, получить свои седла обратно. Желкая, но жуткая картина для неискушенного народа...

- . -

Весь сквер у вокзала представлял собою наигнуснейшую картину. Это был самый настоящий "цыганский табор". Многие грели чай, как единственную пищу, что бы утолить голод. И это были никто иной, как Кубанское храброе офицерство и их доблестные подчиненные казаки "только вчера"...

Наша Надюша, с учительницей Сергеевой станицы Михайловской, достали где-то дровишек, будилья бурьяна и кипятят чай. В ожидании его, лежу лицом к земле, имея в головах черкеску. Моя бурка "ушла" вместе с седлом в торонах у Сочи. Настроение исключительно подавленное. Рядом спят брат и полковник Кротов. Кто-то резко толкает меня сапогом в мягкую подошму чевяка. Понимаю голову и вижу перед собою двух красноармейцев.

"Товарищ... почему Вы не сдали оружие?" слышу от них.

"Какое оружие?" возмущенно переспрашиваю.

"А вон у Вас на поясе?" говорит один из них, и указал на пустую кобуру от револьвера.

"Это не оружие, а чехол для оружия", отвечаю и поворачиваюсь, что бы опять лечь.

"Все равно, товарищ... это относится к оружию... и Вы должны его сдать", продолжает красноармеец.

Что бы "отвязаться" от них, быстро распоясываюсь, снимаю кобуру и бросаю им.

Это возмутило меня. Сижу и думаю - что-же дальше будет с нами? Бежать... надо бежать... и бежать в Крым, в Армию, что бы продолжать борьбу.

Скрестив руки ниже колен, сижу и думаю "о дальнейшей своей судьбе"... Вижу, ко мне, скорыми быстрыми широкими шагами приближаются 2 крупных красноармейца. Они в шинелях на-распахну и в серых солдатских "репанных" папах с отворотами, которых я возненавидел со дня революции.

"Ну, думаю, еще два чорта идут!... надо их "осадить". Н двинув шапченку на глаза, зло смотрю на них. Один из них "не выдерживает", ослабил в широкую улыбку. В нем я опознал подхорунжого Иван Яковлевича Назарова, своего станичника, из старших урядников Конвоя Его Величества мирного времени. Не выдерживает и второй и так же ослабил. То был артиллерист Григорий Торгашев, сосед по подворью и свойственник нашей семьи.

"Што Вы?... замаскировались?" удивленно спрашиваю их.

"Какой там!... ограбили сук-кины сыны... потом расскажем", отвечает Назаров; и подморгнув мне, что бы я молчал - он взял за ногу брата Андрея, войскового старшину, и строго произнес:

"Эй, товарищ!.. вставай!"

Брат, нервно настроенный и переживавший, как и все, наше общее горе, быстро повернулся на спину и с пролежнями заспанного лица, в недоумении, быстро произнес:

"Што Вам надо?"...

"Оружие у Вас есть товарищ? так-же строго произнес Назаров.

"Уже сдали"... отвечает брат, огорченный, что его разбудили.

"Ну-да!... а может быть не все сдали?" - пристает Назаров.

Я вижу, что наш добрейший по характеру брат, не опознал своих станичников после крепкого сна в таких их костюмах, и не желая оставлять его в моральном разстройстве, весело говорю:

"Да што ты!... не узнаешь, что-ли?"

Брат смотрит на меня, потом на них и... лицо его расплылось в удивленную улыбку.

"Тю!... вот черти!... напугали как!... Какого Вы чорта так нарядились?"

"Да, нарядишься!" отвечает Назаров. И присев оба на корточки перед нами, рассказывает первый:

"Едем мы с Гришей, верхами... думали так незаметно пробраться домой... встречается красный обоз. "Стой!... казаки?... белые?" Мы отвечаем, что мы беженцы. Да куда там?!... Отобрали у нас коней и седла... а потом говорят - да у Вас и шапки хорошие?... и черкэски!... Давайте их сюда. И раздели нас... И едва упросили их, что бы взамен нам дали хоть вот эту "сволочь" - закончил он. Сказал, схватил свой треух с головы и ударил им по земле с досадою. И уже обращаясь ко мне, как к своему бывшему начальнику по Турецкому фронту, тягостно спросил:

"Ну што-же будет дальше с нами, Федор Иванович?"

"П о п а л и с ь"... ответил ему одним словом.

Назаров старше меня возрастом на 14 лет. На пополнение 1-го Кавказского полка прибыл в Турцию в начале 1915 года, имея звание старшего урядника Конвоя Его Величества. В бытность мою полковым адъютантом со 2-го ноября 1915 года и до 26 марта 1917 года - он был ассистентом при полковом Штандарте. В лютые турецкие зимние стужи, от Олыт на Эрзерум в самом начале 1916 года, в снежные заносы той гористой местности, где полк выстраивался на занесенных снегом площадках для встречи своего полкового Штандарта, скакал он вслеп за мною, скакал он за штандартным урядником Иваном Масловым, казак станицы Дмитриевской. Потом в жаркий зной летней операции на Мема-Хатун, Эрзинджан. Возвращение на отдых всей дивизии под Карс. На Войсковом Празднике 5 октября 1916г., 39-летний Назаров награждается 2-м призом за джигитовку, а через год, в Финляндии - 1-м полковым призом. Песенник и стильный танцор в лезгинке. Брюнет-красавец, видом Кавказский горец. И вот теперь, он сидит передо мною, в таком странном, отвратительном и ненавистном ему, и нам всем, "мундире красноармейца"...

Пройдут годы, многие годы... И вот сюда, в Нью-Йорк, один наш станичник, из своего далекого изгнания с Кубани, условной фразой сообщит мне: - "А Иван Яковлевич Назаров и все его четыре брата, давно в земле" - то есть - разстреляны красными. Такова судьба выдающихся казаков, выделившихся из рядовой массы личными качествами....

Узнали, что всех членов Радн, красные спешно отправляют в Екатеринбург. Надюшу надо отправить домой. Ее надо спасти "от пленения". Мы с братом на вокзале. Всех членов Радн набралось около 80-ти человек. Все они офи-

церы в небольших чинах. Почти все в гимнастерках. Против нас - чисто одетые. У брата нашлись друзья-сослуживцы. Им подали два товарных вагона. Место есть. Конвоя никакого. Надюша, в черном бешметике, в серой черкесенке на распашку, в маленькой шапченке, ловкая, как молодой казачек, вскочила в открытую дверь вагона. Свистнул паровоз и короткий поезд тронулся на Армавир.

Мне стыдно было быть в черкеске на-распашку... и без оружия. Никто ее так не носит на Кавказе. Снял и передал Надюше, "домой", оставшись в одной рубашке-бешмете и в английских полу-шерстяных штанах синяго цвета, полученных мною из интенданства, после оставления Воронежа. Я стал и по костюму - н и к т о . . . Из двух войн - вышел нищим.

НОВАЯ НЕПРИЯТНОСТЬ.

"Голова колонны" всей Кубанской армии была уже в Туапсе. Всем приказано было идти к вокзалу и грузиться в вагоны. Мы смешаны не только что со своими младшими офицерами, сотниками и хорунжими, но и со всеми казаками. Грузиться приказано по полкам. Казаки быстро стали заполнять вагоны.

Грустное и тяжелое впечатление на меня произвело здание вокзала. Мы слышали, что части, оставляя Туапсе, взорвали артиллерийские снаряды. И как результат этого - все вокзальные здания, изрешетены.

"Это Ваша работа!... а зачем? Ведь это же народное достояние!" говорит нам с упреком какой-то красный начальник.

Вдруг новое распоряжение: - всем казакам высадиться из вагонов "для обсыха".

Казаки высадились. Они выстроились в две шеренги. Переметные сумы и бурки у их ног.

Сдав лошадей и седла, каждый из них, в естественном порядке казачьего мышления, снял кое-что из седельного прибора, как пахвы, нагрудники, уздечки, часть подпруг и спрятал в сумы, что может пригодиться в его хозяйстве. Очень у многих казаков были Георгиевские кресты и медали. Их они так-же спрятали в сумы.

"Серебро нам нужно для Государства. Государством управляет сам народ. У нас все народное", говорят осматривающие и хотят все это отобрать.

Странная казачья натура! Такая, фактически, молодецкая и гордая, порою, даже, озорная, а вот тут - словно беспомощные цыплята. И ни одного голоса протеста. Они молча показывают все то, что сложили-спрятали в свои заповедные походные двойные сумы-вьюки. Берите, дескать, если надо "для народного государства"... Но вид их был таков, что лучше о нем и не писать. И если бы вот теперь всех их перенести назад, в Адлеру, и поставить в то положение, которое они имели всего лишь пять дней тому назад, т.е. вооруженными - они не сдались-бы.

Я никогда не забуду скорбный вид подхорунжего Никон Васильевича Неша-това, вахмистра 3-ей сотни нашего 1-го Кавказского полка, казака станицы Казанской! За Турецкую войну он имел три Георгиевских креста. Я то знаю, как он их заслужил! При мне все это было! На южных склонах большого Ара-рата, были убиты командир сотни есаул Лытиков и вахмистр сотни подхорунжий Илья Михайлович Дубина, казак станицы Кушвской. Я остался за команди-ра сотни, а он, взводный урядник 1-го взвода - стал уж вахмистром сотни. Ранено было 10 казаков и все тяжело, свинцовыми курдинскими пулями. Выбрались мы тогда, все-же, благополучно. Казаки, где было до полусотни его станичников, и в строю, называли его только по имени и отчеству, как глупо-бокого уважения, к серьезному, справедливому и честному начальнику из их-же рядовой массы вышедшему. 1911 года прибытия в полк: 10 лет в строю и на войне безперерыва - что он переживал тогда, умняга?! А сколько здесь

было других, подобно этому Нешатову... Нужно полагать - м н о г о!

И теперь, эти Царские Георгиевские кресты, заслуженные кровью и многочисленными невзгодами голодного Турецкого фронта, красные хотят отобрать "для народа, для народного государства"... И вот он, как исправный вахмистр вынул их из сум и показывает этим хамам. Как бывало в трудные и ответственные минуты - он сощурил глаза и смотрит на меня. И я не знаю, что он думал в эти минуты? Ненависть к красным-ли? Или к тем старшим генералам, к самому Крыму, что оставил их здесь, непримиримых к большевикам? А может быть удивлялся что "и я здесь?"...

При отступлении к Черноморскому побережью тогда, вышло так: - кто отошел сюда - потерял все, главное - лошадей и седла, и представлен к репрессиям со стороны красных; а те казаки, кто не пошел сюда со своими полками - сохранил, и лошадей, и седла, неподвергся ограблению и не поставлен красными "на черную доску".

"Да это-же, безобразие, товарищи!" вдруг резко произносит стоявший возле меня войсковой старшина Семенихин. Комиссия оглянулась на него и, вдруг, глава ее, всмотревшись в него, произносит:

"А-а!.. это ты?... здравствуй Гаврюша!... что - не узнаешь?" Мы все опешили от этого обращения. Опешил и Семенихин.

"В Лабинской гимназии вместе учились мальчиками", свидетельствует он.

"А-а... да-да!" отвечает Семенихин, дружески тянет ему руку и тут-же заявляет:

"Послушай!.. да оставьте казакам их Георгиевские кресты! Ведь за них была пролита кровь со внешним врагом!"

"Хорошо, Гаврюша... мы подумаем" - весело, самодовольно и с сознанием полного своего начальнического положения, отвечает "друг детства" войскового старшины Гавриил Захарьевича Семенихина, казак станицы Безкровной Лабинского Отдела.

Комиссия прекратила обыск и пошла в вокзальное помещение, что бы решить этот вопрос.

"Кто он?" спрашиваю я своего друга с юнкерских лет.

"А чорт его знает... я его, правда, не узнаю. Но он говорит правду. Я что-то вспоминаю какого то мужиченка в приготовительном классе Лабинской гимназии, но, хоть убей - точно вспомнить не могу. А если он признал меня "за друга детства", то это только хорошо. Ты видишь, какой тон я взял с ним? Даже на "ты".

В 1910-м году, с Семенихиным я держал экзамен для поступления в Оренбургское казачье училище. Он был гимназист 6-го класса, штатский, а я был из полка. На экзамене сидели на одной парте, на передней, на 4-х человек каждая. Выдержали экзамен и весь первый учебный год уж юнкерами, сидели на той-же парте, но были в разных взводах юнкеров - он в 3-м, а я в 4-м.

На сл. учебный год были уже в одном, 3-м взводе. В последнем, выпускном классе, он был правофланговым младшим портупей-юнкером и моим заместителем. Я-же был взводным /старшим/ портупей-юнкером. Пишу это для того, чтобы читатель мог понять - насколько была глубока наша дружба.

По характеру он был немного нервный и резкий, что являлось отрицательной стороной в офицерской, да и в юнкерской, среде. Но здесь, эти две его черты отрицательного характера, сыграли положительную роль. Во время войны он окончил ускоренные курсы ген. штаба в Петрограде.

"Ну, Гаврюша, на этот раз будь ты самым старшим начальником между нами и доведи дело до полезного конца", говорю ему дружески, улыбаясь.

Комиссия скоро вернулась. И "друг детства" Семенихина, с улыбкой "правлящего класса" заявил, что они оставляют казакам кресты и другие "ремни"...

Так неожиданный и очень простой случай - спас наших казаков от жгучей неприятности и внес некоторое моральное удовлетворение в их оскорбленные души.

В ПОЕЗДЕ НА АРМАВИР. . .

Казаки погрузились в вагоны опять. Перед вечером, громаднейший состав вагонов нашего поезда, весь облепленный казаками и на крышах вагонов, тяжело и тихо двинулся на Армавир. Он шел на небольшой под, ем, почему пыхтел, сопел, останапливался и вновь трогался, набрав силы пара. Казаки на это гоготали, острили, орали, соскакивали из вагонов на ходу, вновь вскакивали в вагоны и фраза "крути гаврила!" - неслась от головы и до хвоста поезда и от хвоста и до головы...

На остановках казаки толпами выскакивали из вагонов, забегали в лес "по надобности", орали, свистели и, казалось, никого не хотели слушаться. Забыты все пережитые горести только час времени тому назад и они вели себя, просто, озорно. Небольшой конвой с винтовками был абсолютно беспомощен навести, хотя бы, относительный порядок. Конвоир наших ближайших офицерских вагонов упрашивал казаков садиться в вагоны по сигналу, но это совершенно не слушали. Даже и мне это озорство казаков не понравилось. Оно умаляло достоинство бедных вшинс и могло вызвать крутые меры со стороны красной власти.

"А ты их припугни", говорю я конвоиру.

"Ды как-жа припугнуть?... да еще своих", отвечает он.

"Как своих?" - спрашиваю.

"Да я такой же пленный как и вы... Я донской казак... Нас под Новороссийском бросили... а красные, взяв город, сразу же поставили нас в строй, в пехоту" - поясняет он.

От этих слов, у меня на душе легче стало. Я всматриваюсь в его лицо, в особенности в глаза и, действительно, вижу добрые голубые глаза, которые страдальчески смотрят на меня. Он молод. Ему лет 25.

"Так вот что, братец", говорю ему. "Тогда ты не обращай никакого внимания на казаков. Это будет лучше для тебя-же самого".

"Ды это то так... ды как-бы начальство ни таво"... недоговорил он, но я все понял.

Поезд тяжело спит и тихо лезет на уклон к туннели у горы Индюк. Вдруг что-то дернуло и наша половина поезда легче пошла вперед, но зато задняя часть его, оторвавшись - медленно покатилаь назад. Казаки загалдели громко, и от радости и от страха, как неожиданного случая в их передвижении.

Стало весело и нам, офицерам, первой половины поезда, видя, как казаки, толпами сидевшие на крышах вагонов - они, бросая свои вещи вниз - сами летели за ними со страхом. Вновь крики и ругань. Какие то казаки быстро вскочили на тормоза и остановили свою оторвавшуюся часть поезда.

Вновь задержка. Сцепили. Тронулись дальше. Прошли туннель Индюк-Гойтх и поезд вошел в наши Кубанские земли...

В нашем офицерском вагоне есть офицеры Линейной бригады. Некоторые с женами. Они под, ездят к своим станицам и некоторые из них скрытно покидают нас и идут домой.

"Я был станичным учителем и моя жена тоже... как-нибудь откручусь", говорит нам молодецкий сотник в темно-зеленой черкеско на-распашку, и с женой, на остановке, покидает нас и идет в свою Ханскую станицу.

Уже зашло солнце, но еще не наступила темнота, как наш поезд прибыл на станцию Белореченскую. И к своему удивлению, услышали команду:

"Разгружаться-а!... Ночевка здесь, в станице Белореченской, а завтра, пешком на Екатеринода-ар-р!"

Нам, сидящим в вагоне офицерам, очень не понравилась эта перспектива, но все послушно выгрузились и боязливо вступили на родную Кубанскую казачью землю.

В СТАНИЦЕ БЕЛОРЕЧЕНСКОЙ.

Поезд остановился не доходя до станции. Громоздкими группами подходим к ней мы, офицеры. Здесь, на перроне вокзала, нас уже ждали мужики-большевики этой станицы, ушедшие с красной армией в 1918 году и теперь вернувшиеся домой, победителями.

Молодые парни, чубатые, злые лица, с картузами на затылок, в кителях при поясах, в галифе, в сапогах, с красными бантами на груди и с хлыстами и стеками в руках — они злобно вперились в нашу офицерскую толпу и звериными взглядами впивались в наши лица, в наши глаза, ища кого-то. Мне так и казалось, что крикни кто — "бей их!" и они начнут полосовать нас теми придатками всякого кавалериста, которые находились в их руках.

"А где полковник Ючергин?" выкрикнули некоторые злобно. Он, оказывается, был их станичник.

Мы остановились. Скоро подошел Ючергин. Он в кителе, в большой папаше, с бородою с единами. Он шел смело. Ну, думаю, сейчас его избьют, а может быть и убьют.

"А-а-а!... вот он!" раздалось несколько голосов и устремились к нему некоторые.

"Вы не имеете права меня тронуть? Я сам пройду прямо в совет. Я и не скрываюсь!" громко заявил он и не останавливаясь, прошел мимо них.

Молодец старик. Не испугался и победил их, фиксировал я. А этому "старик" тогда было около 50-ти лет.

Мы, голова колонны, вошли в станицу на церковную площадь. Куда идти? где спать? — ничего не соображаю.

"Идем со мною, Федя.. меня пригласила одна интеллигентная семья", говорит мне Семенихин.

Я с удовольствием соглашаюсь и мы входим в очень хороший дом городского типа. Семья казачья, интеллигентная, встречает нас критически-любезно.

"Как это Вы сдались?... 60 тысяч казаков и сдались?" говорит дама лет под 45.

"Вы тоже полковник, как и Гавриил Захарьевич?" спрашивает она меня запыленного, в грязной рубашке-бешмете, в интендантских синих штанах и в длинных, через колено, ноговицах.

Впервые мне стыдно было сказать, что я есть "полковник".

"Ну, садитесь за стол... так уже и быть, накормлю Вас "пленных", все село доброжелательно острит она над нами.

Мы жадно едим, т.к. уже несколько дней голодали. Я молчу, а мой Гаврюша, как всегда, очень разговорчив, острит, оправдывается "о сдаче армии" и, даже, доказывает что то.

Не практичный человек я. И через-чур гордый. Дама-казачка дружески острит над нами, называя нас "пленными", а я уже и обиделся.

Вторая дама грустна. Ея муж, офицер, ушел с Армией и она не знает — где он? Но хотела бы, что бы и он вернулся, как мы...

Приходит сын хозяйшки. Он так же возмущен, что мы "сдались".

"Вы их не знаете", говорит он. "Они, красные, говорят, что в университет могут поступать только партийные. Выходит, что вот я, окончил гимназию, но не могу быть студентом, если не запишусь в партию коммунистов", возмущается он.

"Мы Вас ждали, что Вы вернетесь и освободите нас, а Вы"... и недоговорил он, 19-летний молодой казак со средним образованием.

В БЕЛОРЕЧЕНСКОЙ НА ВТОРОЙ ДЕНЬ.

На утро 27 апреля, нас собрали на какой-то окраинной станичной площади. Приказано стрелиться по полкам и дивизиям. Разнесся слух, что нашу армию хотят посмотреть в Екатеринодаре и потом направить против поляков, которые, к этому времени, захватили Киев. Нам, многим, этот слух понравился. Отстаивать красную власть с оружием в руках мы не собирались, но через Польшу - можно попасть, ведь, в Крым!...

Нас формирует матрос. Он в полной своей зимней одежде и с матросскими ленточками на безвозырьке. Под ним слегка из, езженный караковый кабардичец под казачьим седлом, который умно прядет своими красивыми ушами. Глядя на этого кабардинца, я вспомнил, как к Индюку, местные пожилые мужики, на казачьих седлах, гнали большой табун казачьих лошадей к себе в села.

Лошади были исхудалые. Подпарки от потников на спинах, явно говорили нам, кто были хозяевами их. Так обидно было смотреть на это из дверей товарного вагона.

Теперь над нами нет никакого конвоя. Один лишь конный матрос рысью и наметом шныряет между нами, кричит, испоряжается, но его никто не слушает.

Мобилизованы подводы. На них разрешается положить только вещи, сесть больным, а всем двигаться пешком. Следующий ночлег в станице Рязанской.

На одной подводе, я вижу вновь одну красивую донскую казачку-девушку в красной шелковой кофточке. При отступлении от Туапсе к Сочи, два раза я видел ее у шоссе, у пролеска, сидевшую прямо на земле и окруженную кавалерами, Кубанскими офицерами. Тогда, среди них, она сидела, словно лесная цыганка, с белым румяным красивым лицом, черноглазая, черноволосая - характерный тип южной красавицы-девушки. Она велела себя очень скромно и, будто бы мысли ее были не здесь, и не для кавалеров, а были там, где то далеко, на Тихом Дону.... Теперь она больна, а бледность ее лица, придала ей красоте еще большую прелесть. Доедет-ли она на свой Дон? думал я тогда.

и

Мы вытягиваемся в колонне по-шест. Идем как попало. Обходим обывательский подводы. На одной из них сидит есаул Мельников, сверстник по училищу. С ним прожил год в полку, в Мерве, на одной квартире с хорунжим Ваней Маглиновским, Владикавказским кадетом и Николаевской сотни в Петербурге. Дружили сильно. Мельников со средним образованием. Отца, директора гимназии, красные разстрелили в самом начале 1918г. Он непосредственный соратник Шкуро. И, почему то, не уехал в Крым.

"Здравствуй Саша!" кричу ему. А он, повернув ко мне голову, ничего не оттил. Возможно, не узнал. Он в тифу, зарос бородою, бледен.

Со мною идут рядом старые Лабинцы, полковники С.С. Жуков и Кочергин. Последний ночевал в своем доме. Станичный совет отпустил его домой на честное слово, что он не убежит.

"А куда мне бежать? И зачем?" говорит он. А окрылились на него местные большевики за то, что - "Я кадровый офицер, имею в центре станицы хороший дом. Я старый пан. Вот и все", заканчивает он свою повесть прошлого дня.

Жена приготовила ему много съестных припасов и он делится ими с Жуковым. Я, годный ему летами в сыновья, из скромности - отказываюсь от еды.

И они, как и раньше - все говорят и говорят о былом...

Наша колонна нереально растянулась. Мы, изредка, ее поджидаем, пока подтянутся "хвосты", но к вечеру, бросив всех, зашагали самостоятельно. 30 верст пешком, для кавалериста, не привыкшего ходить, были утомительны.

В СТАНИЦЕ РЯЗАНСКОЙ.

Поистине - ничто так не сближает людей, как горе. Переночевав в Рязанской - вновь поход в 30 верст в станицу Старокорсунскую, но уже на той стороне Кубани. Вчера, в походе, очень много казаков "подбилося". Мы решили ехать на подводе.

На площади много местных казаков с перевозочными средствами. Они торгуются о цене с нами "до Кубани" так, словно перед ними стоят не их же родные Кубанские казаки-воины в несчастье а, будто, пленные турки.

У меня в кармане жалкие гроши. Мои чевяки, за первый переход, совершенно стерлись. Они, ведь, азиатские, на легкой подошвке, подшитой "фаданом", и предназначены только для верховой езды!

Незаметно образовался "союз дружбы" - Лабинцы и Кавказцы, и потому, что мы, оба брата, хотя и в разных толках, но в горе - находимся вместе, а с нами - и наши ближайшие друзья. Со мною неразлучно - полковник Ткаченко, войсковые старшины Баранов, Сахно и полковой адъютант с женой из Финляндии, сотник Косульников. Неразлучны со мною командир 2-го Лабинского полка полковник Кротов и его помощник, войсковой старшина Красковский. Последний из студентов - высокий, стройный, с польскими усами, твердый характером.

У брата - командир 1-го Кавказского полка полковник Хоменко и Ваня Храмов.

Вот этой группой мы и наняли мажару "на быках", что бы добраться до Кубани, протекающей у станицы Старокорсунской.

Рязанские казаки мне совершенно не нравятся. Они на нас смотрят как на чужих людей. Они хотят на нас заработать. Они не злы и не любопытны, даже, в том, что вот, их родная Кубанская армия попала в плен. Нет, они заинтересованы только в заработке.

"На быках до Кубани далеко... придется там заночевать", говорят они. Я удивился, что эта станица до сих пор работает на быках, когда, как мне казалось, все Кубанское Войско, работает на лошадях. Но оказалось, что горные станицы почти все работают на быках, т.к. станицы бедны землей и подножного корма мало. "Лучше, выгоднее, работать на быках", говорят они там.

Мой расчетливый помощник по хозяйственной части войсковой старшина Лука Кононович Баранов, не хочет платить деньгами.

"Хочешь - за доставку я даю тебе английскую шинель?" предлагает он казaku, подрядившему везти нас. Казак-возница соглашается, но предварительно, тщательно осматривает ее - "не просвечивает-ли она?" У Баранова их две. И ему ее не жаль, а 200-300 рублей - это деньги. Но я вижу, что у него есть и деньги. Недаром он был начальником и обоза 2-го разряда и сидел с ним в глубоком тылу. А ~~я~~ его командира полка, бывшего только на фронте и в передовых линиях - нет ни денег, ни бурки, ни единственной английской, хотя бы, шинели. Тыл и фронт - разные люди.

Наш возница, в дороге, оказался очень разговорчивым. И, как будто, с придурию. Брат и Лука Баранов немилосердно острят над ним, чем веселят нас, но он на это совершенно не обижается, считая, что такой разговор нормальный и, даже, как будто, польщен тем, что вот, полковники, так дружески говорят с ним.

"Ну, а теперь держитесь!" вдруг выкрикнул он, и по гладкой дороге, переводит свою, очень сноровистую, молодую пару быков в аллюр "намет". Поистине - надо быть вертуозом, что бы быками, без возжей - скакать и управлять запряженных в мажару. Мы даже испугались, как бы быки не свернули с дороги, как бы не опрокинулась бы мажара, и мы просим его остановиться в "его лихости". Да, конечно, этот казак-возница - был "с придурию", как о них говорят в станицах, и не дурак, а, просто, хитрец.

К полуденному времени дня, мы прибыли к Кубани. На большой мажаре с драбинами, на сене и полсти - так мягко и приятно было ехать, да еще в обществе веселых, остроумных, долгих и испытанных друзей, что было на время и забыто - "кто мы?". Но переправа через Кубань на барже-пароме - напомнила нам "кто мы", т.к. здесь появилась ненавистная нам власть над нами.

В СТАНИЦЕ СТАРОКОРСУНСКОЙ.

Переправа через Кубань продолжалась долго. Я впервые в этом районе. Родная наша Кубань здесь гораздо шире чем у нашей Кавказской станице. Левый берег ее такой же лесистый как и у нас, а правый пологий, почему и не поэтический. ^р

Большими группами, безо всякого порядка, мы входим в первую станицу Черноморских казаков. Она резко отличается от Рязанской. Она вся в деревьях. Все улицы в акациях. Во дворах - фруктовые сады. Хорошие постройки во дворах. Станица очень старая, почему и богатая. Название ее, "Корсунская" - дышет далекою казачьей стариною Киевской Руси. Теперь, пра-правнуки шех-казанов - на Кубани. ^{а,}

Мы поместились в доме не совсем богатого казака, по соседству с церковною площадью. Хозяйка, лет 50-ти, уж и не знает - чем же нас еще угостить. Готовит что то, накрывает стол, а сама нет-нет, да и всплакнет. Хозяин-казак, этих же лет, печально настроенный, что бы не видеть слез жены - уходит в глубь двора и начинает топором тесать колья. Их сын, казак лет 25-ти - не сидит на месте, больше гуляет по двору, или облокотившись на забор - грустно смотрит вдоль улицы, что идет к станичному правлению.

"Да чивой-то Вы такая грустная, тетенька?" кто спрашивает ее.

"А-А-А... деточки", вздохнула она и горько заплакала. Оказывается - сын их сотник. Он остался в станице и не пошел в поход. Вначале его не трогали, а теперь - завтра велели ему явиться в Екатеринодар. Красные производят большие насилия в станице и они боятся за сына.

Я знаю, что мои старые соратники-Корниловцы - Мартыненко, два брата Кононенко, Костик и Семен Дзюба есть казаки этой станицы. Наши хозяева хорошо их знают и удивились - как это вернулся назад есаул Костик Дзюба-?/.

"Его здесь давно ищут красные за старые грехи", поясняют они.

Вечером мы вышли на просторную станичную площадь. Там масса казаков. Настроение, даже, веселое. Там дивно поет Черноморская песни Войсковой певческий хор, находившийся среди нас. Правда, он не был полон, но - кто из казаков не поет родных песни? Присоединились офицеры и хор взывал, плакал и алкал своими дивными мелодиями. Им управлял вахмистр-регент постоянного состава, оставшийся с Армией.

Среди казаков пронеслись слухи, что под Екатеринодаром стрит Кубанская казачья бригада "зеленого сотника Пелюка", который, якобы, заявил красным, что - если они кого-да-нибудь тронут на Кубани - "то він усьх рознесе!".

Я этому хотя и не особенно верил, но слушать это было приятно. А казаки и молодые офицеры, были, просто, в восторге от этих слов Пелюка. И дай им возможность - готовы сотника Пелюка вознести в Войсковые Атаманы.

У нас на душе стало так мирно от этой уютной станицы и от "декларации" сотника Пелюка, что казалось - война далеко осталась где-то позади нас... да и зачем война? думалось. Долго не расходились казаки со станичною площадью в тот уютный теплый апрельский вечер у самой реки Кубани, который оказался "последним" нашего вольного передвижения.

Переночевали спокойно и 28 апреля, после вкусного завтрака нашей сердечной хозяйки-матери, мы вновь высыпаем на станичную площадь, что бы следовать в Екатеринодар.

Наш матрос-начальник, так близко познакомившийся с нами и с доподлинными казачьими станицами и их гостеприимным населением - оказался не плохим человеком. Мы его совершенно уже не боялись и не слушались. Как-то зашел к нему узнать распорядок движения и увидел у него на столе корзины яиц и масла. А в этой станице увидел и чурвал белой муки. На мой вопрос - что это? Он, простяга, искренне, чисто по-солдатски, рассказал, что в Екатеринодаре у него жена. Там все дорого. Так он, пока что, "по-дешевке" собирает по пути.

"Сегодня вечером мы будем в Екатеринодаре. На подводах разрешается ехать только до города, а там - приказано войти пешком и в порядке", говорит он мне совершенно запросто. И смортишь на него, и слушаешь его, этого матроса, "красу и гордость революции" и невольно подумаешь - откуда взялись вся злость и насилия у подобных вот этому матросу, оказавшимся самым обыкновенным русским мужиченком из пригорода. И тяжело становится на душе от сознания, что в те месяцы революции, не нашлось крупной личности на Руси, что бы все это о с т а н о в и т ь. Нашелся генерал Корнилов, но - как жаль, что он не довел дело до положительного конца в 1917-м году...

На площади очень много местного населения. Оно щедро угощает казаков всем возможным. Оно сочувственно смотрит на нас, смотрит с любовью, с огорчением и болезнью за нас.

Я вижу есаула Костика Дзюбу, стоявшего с другими Корниловцами-офицерами и подхожу к ним. С Костей стоит его жена, совершенно простая казачка, которая, нет-нет да и смахнет слезу с глаз уголком своего передничка:

Дзюба бледен, растерян. А не храбрец-ли он был в боях! Жена сообщила ему многое, как его искали красные, как обыскивали все во дворе. Она боится, что его вот-вот и арестуют, почему и не отходит от него ни на шаг.

Бедная женщина.... Дзюба так неумело ее успокаивает! Ласка к жене при посторонних, так ведь, не свойственна среди казаков!

Ободряю я ее, нахожу некоторые слова утешения и надежды, но вижу, что перенеся все, она совершенно не верит красным и по-прежнему уже каменному лицу от всех переживаний, катятся холодные слезы...

Дзюбу не арестовали. Никого пока не тронули. И большим обозом на мажарах, исключительно на лошадях - мы выехали в Екатеринодар, в свою Кубанскую столицу, где решится наша судьба.

На удивление, со многими казаками выехали и их жены. Получилось какое-то движение казаков, словно отправляющихся на праздник.

Вольнолюбивое Черноморское казачество, в особенности их жены - они никак не хотели слушаться матроса, что бы ехать по дороге одною сплошной колонной. Почему то многие хотели попасть в город как можно скорее. Матрос скакал за мажарами, ругался, останавливал их, вводил в общую колонну и скакал за следующими. За ним неслись вслед скабрезные казачьи шутки, от которых не оставали и их жены, несясь вслед свист, тукание.... Ищи виновника в этой многотысячной казачьей массе, ставшей все "парубками".... Всем было от этого очень весело. Но в этот же вечер нам было очень грустно, даже страшно, войдя в центр Екатеринодара.

Под вечер, подойдя к городу, остановились. Подтянулись "хвосты". Приказано всем сойти с подвод и - густою колонной безо всякого строя во всю ширину улицы - нас ввели в Екатеринодар

"Авангард" КУБАНСКОЙ АРМИИ - вошел в ЕКАТЕРИНОДАР..../?!/"

Мы вошли в город с северной стороны, где жили рабочие. В красных газетах писалось, что сдалось 60 тысяч казаков. Это была сенсация для всего населения Кубани, но которой не верилось. И вот "они", сдавшаяся Кубанская армия вошла в свой столичный Екатеринодар. Вот почему весь народ и высыпал на улицы, что бы убедиться - так-ли это?

Мы проходили по улице, где находились разные мастерские этого рабочего люда; и где они жили сами - простые и трудолюбивые - которые теперь все высыпали со своих дворов, что бы убедиться в действительности; и от которых можно было ожидать недобрых выкриков по нашему адресу; но - их не только что не было, но на лицах смотревших была явная печаль и сожаление. Видимо власть красных ими была уже хорошо признана...

Мы были, как будто, рады, что, наконец-то, прибыли к цели... Безо всякого строя, густою массою заполнили всю ширину улицы и оба тротуара - довольно скорым шагом двигались по Бурсаковской улице. Впереди нас, верхом на лошади, идет важно наш глава колонны матрос. За ним мы, толпа старших офицеров. И уже в самом городе, все жители высыпали со всех дворов и домов и молча, удивленно, смотрит на нас. Смотрит, именно, удивленно и молча.

Кто знает наш Екатеринодар в былом, тот хорошо представит - какое впечатление на жителей могла произвести эта мрачная масса Кубанских казаков, появившаяся в своем стольном городе в таком печальном виде и в таком своем беспомощном положении - без оружия, в черкесках на распахну, с сумами через плечи и с бурками под мышками, в черных замызганных папахах.

Таких-ли казаков они привыкли видеть здесь?!... на протяжении более чем столетнего существования этого Казачье-Запорожского города?!

Таких-ли казаков привыкли они видеть на своих улицах!?

Центр Кубанского Войска. Войсковой центр Черноморских и Линейных казаков. Это военный город, где, по Красной улице всегда так переполненной военными в папахах разных цветов, в черкесках так-же разных цветов с погонами разных рангов и чинов... где на скамейках сидели отставные генералы и Севастопольской кампании 1854-55 гг., и Русско-Турецкой войны 1877-78 гг., Ахал-Текинской операции генерала Скобелева... и тут-же проходили щеголи-писари затянутые поясами на черкесках при серебряных кинжалах - и Войскового Штаба, и Войскового хозяйственного правления, и Управления Екатеринодарского Отдела, и чины Войсковой капеллы, шествовавшие строем со своими музыкальными инструментами в городской сад, что бы усладить слух всей гуляющей там по вечерам публики. Всегда при белых бешметах - то в голубых, то в красных, то в черных черкесках, шли они "в ногу" по Красной улице, имея впереди казачат музыкантов-подростков. Все в погонях, многие с белыми нашивками на них "урядников", чем гордились, как достойно заслуженного чина.

Это-ли не было щегольство?

Это не была-ли гордость казачья?

Это-ли не было достоинство Войсковое?

И как все это радовало всех, и радовало сердца тех, кто хотел служить своему родному и кровному Кубанскому Казачьему Войску?

И вот, теперь - в каком виде вошли мы в этот наш славный, и так родной и милый исторический казачий город, видавший славных Кошевых Атаманов Черноморского казачьяго Войска, бывших запорожцев - Захария Чепигу, Антона Головатого, Котляревского, Бурсака, Безкровного, Завадовского, Рашпиля, Кухаренко...

Увидели бы они нас теперь, потомков своих - повернулись бы в гробах от стыда и обиды! Или, как написал по этому поводу целую балладу Черноморский кобзарь Александр Пивень, казак станицы Павловской:

"Такэ ціло там збылось -
У городі Сочі,
Нэ слухалыб моі вуха,
Нэ бачылы-б рчі...."

Подойдя к Екатерининской улице, что идет от вокзала к Красной улице - колонну остановили. Казаки сразу же присели отдыхать, где как мог. Мы, старшие офицеры, шедшие в голове колонны, оставались стоять, рассматриваясь по сторонам и ждали чего-то. Солнце уже садилось. Вечер был тихий, теплый и приятный. Нас никто не охранял. Я рассматриваю угол этих двух улиц, так мне знакомых с 1910-го года. Влево, на обоих углах, до самого конца были "Кавказский мастерский", где многие заказывали черкески, бешметы, папахи. Мастера были грузины. Отлично они все шили. Заказывал и я там черкески. Теперь здесь все совершенно иное. Мастерских уж нет. Левый угол глухо закрыт на ставни и забит наглухо досками, крест-на-крест по диагоналям. Внесте, казалось, что этот нижний этаж каменного двух-этажного дома, не жилой. Жизнь была лишь во втором этаже со многими окнами в раскрытых окнах.

Вдруг из глубины этого, казалось, не жилого нижнего этажа, как будто из очень далека, донеслась до нас столь знакомая мелодия дорогого нам напева:

.

Многоводная, раздольная,

Разлилась ты вдаль и вширь...

Мы насторожились и болезненно прислушиваясь, молча переглянулись, как бы спрашивая один другого:

"Кто это здесь? И почему они поют, именно "Ты Кубань, Ты наша Родина?"

Песнь издали нутра здания ширилась, укреплялась в своей мощи и, через заколоченные наглухо ставни, словно рыдаючи по загубленной казачьей жизни - достигала улицы:

.

За твою-ли славу старую,
Жизнь свою-ли не отдать...

Мы вновь переглянулись в недоумении. И потом лишь узнали, что здесь помещалась "областная чека", а пели Кубанские казаки-смертники, узнавшие о нашем прибытии и дававшие нам о себе знать.

Мы стоим в недоумении. Вдруг, на Бурсаковской-же улице, справа, за Екатерининской - с шумом распахнулись растворчатые ворота и со двора, скорым широким легким кавалерийским шагом - буквально выбросилось человек около сотни красноармейцев в колонне по-шести. Вид их не был похож на тех красноармейцев, которых мы уже много раз видели. Это были стройные и хлесткие ребята, напористые в своих ухарских движениях. Все в приличных кителях, в галифе, в хороших сапогах и при шпорах. Они при шашках, револьверах, с карабинами через плечи. В руках стени и хлысты. Из под фуражек, хулигански брошенных куда-то далеко на затылок - вихрились кудластые волосы, а на грудях - красовались пышные красные банты.

Не нужно было быть глубоко дальновидным, что бы понять сразу-же, что это есть "специальные войска чека".

Они, выйдя резким скорым широким шагом со двора "в ногу", и дойдя до нашей головы колонны - быстро заняли выходы в обе эти улицы, сняли с плеч свои карабины, поставив их между широко разставленных своих ног, готовых в любой момент вскинуть их "на изготовку". Мы "поняли" что это значить... Легкий холодок страха пробежал у меня по спине. Конец... конец нашей воли. И если до этого момента, каждый из нас, даже и генерал, мог абсолютно и незаметно скрыться, в особенности казаки, то мы поняли, что теперь этого сделать уже нельзя.

А чего проще? Может быть вот сейчас же они выделяют "главных" и... прощай жизнь.

Чекисты, разставив ноги и держа карабины меж ними, с хлыстами на ремешках пальцев - дерзко смотрели на нас. Мы тогда еще не знали, какая "граница" была, вообще, между обывателями и войсками чека? И я думаю, что эти чекисты, уже предвкушали сладость, глядя на нас - какая интересная и многочисленная добыча находится в их руках?... и что хорошо было кое-чем поживиться от нея...

Во всяком случае, вся голова колонны, будь то офицер или казак, глядя на них, поняли, что "все шутки" о к о н ч е н ы . . .

Уже стало темнеть, а мы все стоим и чего то ждем

"Машину товарищу Аварбекову-у!" выкрикнул кто-то из здания чека. Дивная машина немедленно же подкатила ко входу здания и оттуда вышел "некто" во всем кожаном черном - куртка, штаны и шлем с острым и высоким шишаком. На шлеме, на лбу - большая суконная красная звезда.

"Некто" был так же "очень черный" брюнет. Фамилия и его профил лица, сказали мне, что он есть армяник.

В его лице, да еще в этом кожаном остроконечном шишаке со звездой шире ладони - было что то страшное, демоническое. Он никому ничего не сказал, и не взглянул, даже, на нас. Под мышкой у него был большой кожаный желтый портфель. Молча сев в авто и укатил куда-то.

"Ну, белые бя-и - прямо по улице... шагом..МАРШ!" - скомандовал нам кто-то из стражи и мы молча, как стадо безсловесных животных - грузно потянулись дальше по Бурсаковской улице.

Мы проходим Штабную улицу, где дом №40, когда-то, так сильно манил меня к себе... Три кирпичных дома вдовы Анны Александровны Белой принадлежали большому семейству роловитой фамилии станицы Кисляковской. Они "из панского рода" и в станичном курте, имели 200 десятин "офицерский участок". Отец их был главный делопроизводитель Кавказского Отдела и жил у нас на квартире, когда мы еще не родились. Лида, самая младшая дочь, была моей затаенной любовью еще до знакомства, а старший сын, полковник, был сверстником нашего отца. Часто гостил у них, даже с ночевкой. Лида окончила Мариинский институт в 1913-м году, а я в тот же год Военное училище. Теперь она замужем и мы остались большими друзьями. Кто я теперь?...

Вот Атаманский дворец, а напротив него - Екатерининский сквер. В темноте ничего не видно, но мы уже слышали, что памятник Императрице Екатерине 2-й с Запорожцами - красные убрали...

Мы проходим эти Войсковые священные места, выходим на Почтовую улицу и сворачиваем на-лево. Проходим городской сад, проходим мимо памятных казарм учебной команды 1-го Екатеринодарского, Кошевого Атамана Чепеги, полка, спускаемся под железно-дорожный мост и входим на Дубинку.

Городская мостовая окончилась. Начинается булыжник. Мы поднимаемся от моста по неровности. Стоит темнота, хоть глаз выколи. Наша колонна невольно растягивается. Некоторые, наткнувшись на что-то, падают на землю.

"Тше-е?...да тише ша-аг!" беспрерывно несутся голоса сзади. Но мы идем за своим конвоем и не можем укоротить шаг.

"А-а... белые бя-и!...не нравится! А наших, наверное, не так гоняли?!" злобно рычит какой-то конвоир. "Не отставать!" кричит он по колонне.

Впереди всех идут - полковники С.С. Жуков, Кочергин и автор этих строк. Кочергин идет между нами. Мы изредка перебрасываемся словами, что бы не слышал наш конвой. Но старики, Жуков и Кочергин, все же не сдерживаются и продолжают о чем-то говорить, как и тогда, в горах.

Конвоирам это, видимо, надоело слушать.

"А ты не есть-ли сам Деникин, йо - твою мать?" вдруг злобно, жестоко, сурово спрашивает старший конвоир обернувшись к полковнику Кочергину.

От этого оскорбления - у меня похолодело в организме. Вот, думаю, возьмет, да и хватит по лицу хлыстом этого очень почтенного полковника с бородою в седине.

Вижу, что испугался не я один. Кочергин молчит, а Семен Семенович Жуков, высокий стройный и так же с бородою - тихо, вежливо говорит:

"Нет, товарищ... это, даже, и не генерал. И зачем Вы так оскорбляете невинного человека?"

"А ты што?... защитник его?!. а почему он сам молчит? Смотри, как бы я Вам обоим бороды не выщипал, йо - Вашу мать, белне бя-и", зло, но уже ниже тоном ругается он.

Теперь мы идем молча., а говоривший, начинает изощряться перед другим конвоиром - "что бы он сделал с генералом Деникиным, если бы он живьем попался ему в руки"...

Я не буду передавать его слова, но он подчеркивал, что - "этого бандита, надо было бы вначале пытать... а потом - по кусочкам раздергивать" И в каких тонах это говорилось!.. и откуда появились на Руси Святой такие дикари, варвары?!

Мы трое шли за ними вслед молча. И даже боялись, как бы он свою месть против генерала Деникина, ненаправил бы против нас... в употреблении своего хлыста. Да при желании - он мог любого из нас и пристрелить! а потом донести: - "хотел бежать... его я и пристрелил".

Я понял, что мы попали в лапы не одного зверя, а в лапы сонмища зверей.

Пройдя Дубинку/предместье Екатеринодара/ - они свернули вправо. Дальше я этого района не знал, но по колонне пронесли слова боязни:

"Куда они нас ведут? ... в тюрьму, што-ли?" Потом я узнал, что тюрьму мы прошли. Она оказалась правее нас. И уж почти к полуночи, мы подошли к каким-то пустынным сараям. Открылись ворота. И вся эта черная масса людей, ничего не видя перед собою - вошла во двор. То оказались сарай кирпичного завода Стахова.

С галдежом - кое-как разместились в них и все мертвым сном повалились на сырых земляных полах многочисленных пустых сараев. Здесь был весь 2-й Кубанский конный корпус, Екатеринодарская и Линейная бригада и другие мелкие части.

Кубанская армия, своим "авангардным корпусом", вошла в свою былую Войсковую столицу... .

Январь 1964г.
Нью-Йорк.

Полковник Елисеев.

/ конец - в следующем № 10-м /